

Кочевья ойратов накануне монголо-ойратского съезда 1640 года

В течение многих столетий степи равнинной Евразии являлись частью огромной арены кочевых народов, завоевывавших или отстаивавших свое жизненное пространство. Массовые переселения кочевников из Центральной Азии на Запад отмечены с древних времен, поскольку, будучи скотоводами, охотниками и воинами, они в силу господствовавшего у них способа производства нуждались в обширных пространствах земли для хозяйственной деятельности каждого индивидуума. Демографический рост, увеличение численности поголовья скота, неудачные войны и, как результат, сокращение пастбищных территорий вынуждали кочевое население пускаться в дальние странствия.

На рубеже XVI–XVII вв. произошла новая волна перемещения кочевников, где главными участниками выступали уже ойраты (калмыки). В исторической литературе существуют различные точки зрения на причины откочевки из Центральной Азии ойратов в конце XVI – начале XVII в. Не вдаваясь в специальное изучение этого вопроса, ограничимся только некоторыми замечаниями. На территории современной Западной Монголии и Джунгарии (северной части современного Синьцзяна) в XV–XVI вв. существовал так называемый союз ойратских племен, именовавшийся «дурбэн ойрат». В него входили наиболее крупные этнические группы: торгуты, хошуты, дербеты и цоросы (чоросы). К началу XVII в. этот союз под давлением внешних факторов серьезно трансформировался в отдельные группировки, каждая из которых в зависимости от обстоятельств пыталась действовать самостоятельно. Принято считать, что, не желая подчиняться власти цоросских правителей, дербетские, хошутские и торгутские тайши со своими улусами откочевали в район Юго-Западной Сибири. Однако с подобной точкой зрения нельзя согласиться хотя бы потому, что хошуты,

дербеты и торгуты представляли собой более многочисленные улусы, и подчинить их власти одним только цоросам не представлялось на тот момент возможным. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий цоросскому правящему дому удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в рамках созданного ими Джунгарского ханства.

В рассматриваемый период главной причиной откочевки все-таки была внешняя угроза. Вытеснение ойратов из восточных районов Алтая современной Западной Монголии стало результатом военных поражений, понесенных ими от монголов Алтын-хана во второй половине XVI – начале XVII в. Именно подчинение всех ойратских племен и включение их в состав своего княжества было главной целью Алтын-хана.

Территория Джунгарии, где в основном обитали цоросы, была не в состоянии принять многочисленных ойратских беженцев с имуществом и скотом из Восточного Алтая. Небольшие группы ойратов (часть батудов, баргу и хойтов) были подчинены монголами, другая часть впоследствии направилась в западном направлении и, вытеснив казахов, заняла территорию Семиречья. Хойты, например, позднее мигрировали в южном направлении, войдя в контакт с мусульманским населением Восточного Туркестана (Кашгара). Но основная масса ойратов, представленная преимущественно дербетами, торгутами и хошутами, в начале XVII в. двинулась северо-западным курсом вниз по Иртышу в пределы Юго-Западной Сибири. Поэтому можно предположить согласованный характер действий ойратских тайшей в определении путей миграции.

Столкнувшись с оборонительной линией Московского государства на сибирском направлении и находясь в условиях затяжного военного противостояния с монголами и казахами, калмыки здесь не могли обеспечить себя привольными и безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении – в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. Устремления калмыков в этот район становятся все более настойчивыми, а здешние степи представлялись весьма удобным местом для кочевков, главным образом, по причине их слабой заселенности.

Анализ русских архивных документов показывает, что возникший в 1625 г. конфликт внутри хошутского дома затем перерос в межойратскую войну, которая продолжалась до 1630 г. и невольно создала предпосылки первых поселений калмыков в Северном Прикаспии. После разгрома группировки хошутского Чокура на Яике (Урале) в 1630 г. перед многими ойратскими тайшами открылись преимущества нового для них региона: пересечение торговых магистралей, близость крупных рынков, слабость со-

седних тюркских племен, удаленность от враждебных монголов Алтын-хана, благоприятные климатические условия, богатые биоресурсы и т. п. Район северо-восточного Прикаспия для своего поселения серьезно рассматривал и дербетский тайша Далай-Батыр, послы которого по данному вопросу вели довольно интенсивные переговоры с московским правительством в 1629–1630 гг. Однако они закончились в результате провала. Только после откочевки дербетов на старые кочевья в Юго-Западной Сибири в конце 1630 г. в Северном Прикаспии появляются торгутские улусы Хо-Урлюка и Дайчина. Таким образом, здесь можно согласиться с общим мнением японской исследовательницы Дж. Мияваки-Окада, что переселение части ойратов на Волгу не было результатом бегства из-за внутренних раздоров джунгаров, а стало следствием междоусобной войны хошутов, в которую, в конечном счете, были вовлечены все ойратские владельцы [1, с. 65].

Идейным вдохновителем переселения торгутов в степи Северного Прикаспия выступал не Хо-Урлюк, а его старший сын Дайчин, хотя формально и признававший отца главой торгутских родов. Успешные военные действия в регионе, личная харизма и дополнительный массовый приток тюркских племен и калмыцких родов в его улусы позволил ему фактически претендовать на главенство в торгутском доме, поскольку он обладал наиболее многочисленным улусом и войском. Хо-Урлюк же выступал сторонником традиционных политических взглядов и старался держаться ближе к ойратскому сообществу на востоке. Только с возникновением вооруженного конфликта с Далай-Батыром в 1635 г. Хо-Урлюк был вынужден откочевать из Юго-Западной Сибири к старшему сыну в степи Северного Прикаспия.

В течение 1630-х гг. торгуты так и не смогли окончательно закрепиться в волжском регионе. Кратковременные калмыцкие набеги на астраханских ногаев в 1631, 1633, 1635 гг. можно рассматривать не как приход на Волгу, а лишь как эпизодические набеги, происходившие и ранее. Основной ареал обитания торгутских улусов в это время находился в районе между Яиком и Приаральскими Каракумами – по рекам Эмба, Илек, Иргиз, хотя многие из них уже более или менее постоянно обосновались в Волго-Яицком междуречье – на реках Большом и Малом Узеньях, в верховьях Самары. Попытки подойти к Астрахани и перейти на правый берег Волги не имели для них успеха. Появление калмыков западнее Яика рассматривалось московским правительством как нарушение со стороны тайшей, и в переговорах оно неоднократно требовало откочевки их улусов именно за Яик [2, с. 13].

Но наиболее крупной группировкой улусов продолжали оставаться ойраты, которые кочевали в степях Юго-Западной Сибири (условно назо-

вем их «северными»). Это были преимущественно хошутские и дербетские улусы под верховенством старших тайшей, таких как Далай-Батыр, Гуши, Кунделен-Убаши и два сына Байбагаса – Очирту-тайджи и Аблай. В русских документах они часто именуется как «чакарские калмыки». Район кочевий «северных» ойратов располагался в степной части междуречья Иртыша, Тобола и Ишима вплоть до Тургайской ложбины. В основном здесь находились их летние кочевья, а зимой часть дербетских и хошутских улусов перекочевывала на юг в Приаральские Каракумы или верховья Иртыша, где был более мягкий климат. На территории Джунгарии продолжали кочевать в основном улусы цоросских владельцев, которых условно можно обозначить как «южных» ойратов.

В течение 1630-х гг. происходит мощное политическое и военное давление «северных» ойратов на торгутских тайшей, пытавшихся самостоятельно закрепиться в степях Северного Прикаспия. Главным сторонником такой политики при поддержке буддийского духовенства выступал Далай-Батыр. Именно дербетский предводитель требовал от торгутов отказаться от своих планов относительно поселения в Северном Прикаспии и немедленно вернуться на старые кочевья. Если же Хо-Урлюк под давлением более сильных соседей склонялся к компромиссному решению по данному вопросу, то Дайчин решительно выступал против. Только смерть Далай-Батыра в начале 1637 г. позволила торгутам переломить ситуацию в свою сторону. Вместе с тем происходит постепенное сближение всех ойратских группировок, а торгутские тайши принимают довольно компромиссное решение о переходе части своих улусов к «северным» ойратам в степи Юго-Западной Сибири, но при этом намеренно оставив другую половину улусов на прежних кочевьях в Северном Прикаспии.

В 1639 г. наблюдается передвижение части торгутских улусов в восточном направлении. В этом году русские документы фиксируют, что Дайчин с улусом зимовал в Приаральских Каракумах, а весной направился на север и подошел к сибирским городам. Он также намеренно разделил свой улус на две части. Большую часть улуса он оставил своему старшему сыну Даян-Эрке, а с меньшей частью двинулся по направлению к Джунгарии. Хо-Урлюк, зимовавший близ Бухары, со своими улусами летом оказался на Тоболе [3, с. 180–181]. В этом же году другая часть торгутских улусов оставалась в Северном Прикаспии и, двигаясь вверх по Волге, кочевала по рекам Еруслан и Торгул [4, с. 77–78].

Таким образом, можно отметить, что в конце 1630-х гг. происходит планомерное разделение торгутских улусов на две группы. Первая группа (улусы Хо-Урлюка, его сыновей Дайчина, Елдена и Кирсана) направляется на восток к Аралу и далее на север по Тургайской ложбине к сибирским

городам. Другая группа (улусы Лузана, Сюнке, Санжина и Даян-Эрке) остается на прежних кочевьях в Северном Прикаспии. Подобная расстановка торгутских улусов была связана, в первую очередь, с урегулированием их отношений с дербетскими и хошутскими тайшами и наметившейся консолидацией в ойратском обществе накануне монголо-ойратского съезда 1640 г.

Остановимся на нескольких моментах, касающихся самого съезда. В распоряжении историков, к сожалению, нет подробных сведений о подготовке и проведении монголо-ойратского съезда. Отсюда и возникают различные версии или предположения по данному вопросу. По мнению одних исследователей, принято считать, что съезд был созван по инициативе джунгарского Эрдени-Батура-хунтайджи в его владениях [4, с. 78; 5, с. 113.]. По мнению других, инициатива исходила от правителей трех самых крупных ханств Северной Монголии, имена двух из них – Дзасагту-хана Субуди и Тушету-хана Гомбодорджи – первыми значатся в списке участников съезда [6, с. 16]. Автор, однако, склонен считать, что идейным вдохновителем мероприятия являлось именно буддийское духовенство во главе с Далай-ламой V, а проводником его политики среди ойратов и монголов выступили ламы во главе с Индзан-хутугтой. Имена буддийских иерархов, таких как Акшоби Манджушири и Амуга-шиди перечислены в преамбуле «Великого уложения» перед списком монгольских и ойратских феодалов, а Индзан-хутугта (Индзан-римбочи) фигурирует как главный гарант съезда: «Безо всякого недостатку, подобного бурханам, и незлобием всем известного Святого Господа хутукту Инзана о помощи всякому одушевленному просим» [7].

Из русских документов известно, что приблизительно в 1630 г. к ойратам из Тибета прибыла большая группа авторитетных буддийских лам с целью объединить все ойратские группировки [3, с. 152]. Например, в архивных материалах Российского государственного архива древних актов за 1636 г. сохранились сведения о приезде к торгутскому Дайчину Индзан-хутугты с представительством из 200 человек. Анализ этой информации показывает, что посредническая миссия хутугты должна была убедить торгутских тайшей вернуться на старые кочевья в Юго-Западной Сибири и присоединиться, таким образом, к ойратскому сообществу. В качестве основной причины таких шагов называлась необходимость совместной борьбы против враждебных соседей [4, с. 72; 8].

Как итог проведенной миссионерской работы среди ойратских тайшей можно рассматривать и съезд буддийского духовенства, проведенного летом 1639 г. в урочище *Усун-Хаджир* на реке *Буланай*. Именно здесь Индзан-хутугта, со словами «хотя по званию я самый старший, но по

своим знаниям выше всех мудрый цорджи с факультета Агба», пожаловал Зая-пандите титул *Рабджамбы-хутугты* [9, с. 42–43, 170–171]. Как мы видим, все эти события произошли накануне монголо-ойратского съезда 1640 г. Это дает основание считать, что имела место почти 10-летняя подготовительная работа, которую провели представители буддийского духовенства с целью сплотить родственные племена и народы перед лицом возможной общей угрозы.

Что касается места проведения съезда, то у исследователей также по этому вопросу нет единого мнения. Японская исследовательница Дж. Мияваки полагает, что съезд «был создан монгольским правителем Дзасагту-ханом где-то в Халхе» [10, р. 228]. По мнению монгольского ученого Ч. Далая, съезд проходил во владении хошутского Очирту-тайджи, поскольку только хошутские правители считались по своему происхождению выходцами из «золотого рода» Чингис-хана – *Борджигид* [11, х. 80; 12, с. 28]. Большинство исследователей вслед за Ю. Лыткиным, который основывался на сведениях калмыцкого старца Бебе, считают, что местом съезда было урочище *Шибегийн Улан Бура* в районе Тарбагатайских гор [13, с. 461]. Ш. Норбо, ссылаясь на неизвестные «исторические документы», утверждает, что «Великое Уложение» было принято в местности *Маниту-гатулган* – большой переправе через реку Иртыш и к северу от озера Зайсан [9, с. 205].

Текст «Великого Уложения» 1640 г. впоследствии сохранился только у волжских калмыков. Из копии списка законов 1640 г., доставленной в Коллегию иностранных дел полковником В. П. Беклемишевым, нам известно, что монголо-ойратский съезд начал свою работу 5 (16) сентября 1640 г.

В списке участников съезда, помимо духовенства, фигурировали и 28 наиболее влиятельных монгольских и ойратских феодалов. Из Монголии приехали Эрдени Дзасагту-хан, Тушету-хан, Эрдени-хунтайджи и Далай-Хунг (сыновья Шолой Цецен-хана), Хунг-нойон (сын Туменгийна Сайн-нойона) и Мерген-нойон (сын Абугу). Торгутов представляли Цецен-нойон (сын Буры), Хо-Урлюк, Шукур-Дайчин и Елден (сыновья Хо-Урлюка); хошуты – Гуши Номин-хан, Очирту-тайджи и Кунделен-Убаши; цоросов – Эрдени-Батур-хунтайджи, Чокур-Убаши (младший брат Эрдени-Батура) и Цецен (старший сын Эрдени-Батура); дербетов – Тенгерийн-Тойн и Дайчин-Хошучи (сыновья Далай-Батура), Бо-Елденг (брат Далай-Батура) и другие [14; 15, с. 96–102]. По сообщению автора «Биографии Зая-пандиты», на съезде «первенствовали Дзасагту-хан и два ойратских тайджи» [9, с. 44], под которыми имеются в виду цоросский Эрдени-Батур-хунтайджи и хошутский Очирту-тайджи.

По мнению автора, перед участниками съезда стояло несколько главных задач.

Во-первых, официально провозгласить буддизм государственной религией монголов и ойратов, а «желтошапочную» школу Гелуг, как основное его направление, поддержать в религиозной борьбе против «красношапочной» школы Карма Кагью и ее сторонников в лице южных монголов и халхаского Цогту-тайши. Ойратские владельцы, в частности, решили почитать Далай-ламу за первенствующую духовную особу, а представителей тибетского народа насильно не удерживать в своих улусах [15, с. 91].

Во-вторых, мобилизовать монголо-ойратское общество для противостояния нарастающей маньчжурской агрессии на востоке. Южная Монголия (Чахарское ханство) к этому времени уже пала под ударами маньчжурской армии. Восточные монголы были крайне обеспокоены подобным ходом развития, и инициатива объединения с ойратами исходила, в том числе, и от них.

В-третьих, юридически закрепить «статус-кво» как между ойратскими группировками, так и в целом между ойратами и восточными монголами.

В-четвертых, утвердить общий законодательный кодекс *Ик Цааджи* («Великое Уложение»), юридически гарантировавший предотвращение новых междоусобиц. Основная часть законов была направлена на кодифицирование норм обычного права в интересах феодальной верхушки и юридическое закрепление сложившихся у монголов и ойратов феодальных общественно-экономических отношений. Можно предположить, что за период подготовки к съезду буддийское духовенство сумело подготовить и выверить текст «Великого Уложения», внося туда все пожелания и замечания монгольских и ойратских феодалов.

Таким образом, мы видим, что столь активное и широкое расселение ойратов в первой половине XVII в. явилось следствием сложных социально-экономических и политических процессов, проистекавших как внутри ойратского общества, так и в целом в Центральной Азии, где сложилась тяжелая международная ситуация. В начале XVII века в Юго-Западной Сибири сформировался самый крупный так называемый союз ойратских улусов, включающий в себя преимущественно дербетов, торгутов и хошутов. Постепенно из него выделились торгуты Хо-Урлюка (с 1630 г.) и хошуты Гуши (с 1636 г.). В результате разделения и расселения к середине XVII века ойраты стали занимать огромную территорию от Волги до Северного Тибета. Можно выделить 4 основные политические группировки ойратских улусов: *западная* (торгутская) в Северном Прикаспии;

северная (дербето-хошутская) в Юго-Западной Сибири; *южная* (цоросо-хошутская) в Джунгарии; *восточная* (хошутская) в Тибете. Численность и состав каждой из этих группировок в зависимости от конкретной военно-политической ситуации постоянно менялись. Дальнейшее значительное сокращение численности северных ойратов привело их к окончательному падению в ходе борьбы с джунгарами за гегемонию в Центральной Азии (1660–1670-е гг.). Небольшая часть дербетов и хошутов мигрировала к торгоутам в степи Северного Прикаспия, где приняла участие в формировании Калмыцкого ханства, но большинство из числа так называемых «северных» ойратов было присоединено к своему владению Очирту Цецен-ханом, а затем включено Галданом Бошогту-ханом в состав Джунгарского ханства. Как мы видим, ойратские группировки в XVII столетии не отличались ни прочностью, ни длительностью своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мияваки-Окада Дж. Джунгарское ханство, которое не было ханством / пер. с англ. яз. Е. Бойковой // *Altaica IV*. М., 2000. С. 58–72.
2. Преображенская П. С. Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства. Автореф. канд. дис. М., 1963. 24 с.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: сб. док. / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1959. 352 с.
4. Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. М., 1939. № 5. С. 48–102.
5. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1983. 332 с.
6. Санчилов В. П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 года // *Вестник КИГИ РАН*. № 2. Элиста, 2009. С. 11–18.
7. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1. 1640 г. Д. 2. Л. 1об.
8. РГАДА. Ф. 127 (Ногайские дела). Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 133, 196.
9. Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / пер. со старомонг. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчилова. Элиста, 1999. 355 с.
10. Miyawaki J. Internal Rivalries in the Four Oyrad Tribal Federation // *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Frankfurt am Main*, 1995. P. 228–260.
11. Далай Ч. Ойрад Монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2006.
12. Златкин И. Я. Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Мат-лы науч. сессии. Элиста, 1970. С. 21–39.

13. Лыткин Ю. С. Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 390–468.
14. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 2. Л. 2.
15. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. 144 с.
16. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 84–107.